

УДК 82.0:17:141.32:130.3

И.Г. Карона

ЭТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ТИПА ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В попытке преодолеть глубокий духовно-нравственный кризис, вызванный крахом религиозных и общественных ценностей на рубеже XIX-XX веков, экзистенциальный тип художественного сознания предлагает новую систему ценностей и нравственных принципов. Автор статьи выявляет ценностно-мировоззренческие категории, которые легли в основу экзистенциалистской этической мысли, проводит анализ ее центральных принципов и их отображения в художественной литературе. Особое внимание уделено анализу экзистенциальных категорий свободы, ответственности, вины, выбора, поступка.

Поколению, жившему в первой половине XX века, выпало пережить или, в лучшем случае, стать свидетелями беспрецедентного по размаху и жестокости насилия, охватившего практически весь мир. Первая и вторая мировые войны с массовым уничтожением людей и целых городов, геноцид, гражданские войны, революции, политические репрессии, концентрационные лагеря, борьба колоний за независимость – мир превратился в кровавое месиво страданий и ужаса, оправдать существование которых уже не могли ни Вера, ни Разум. Глупо и излишне было бы теперь рассуждать о «смерти Бога», ее оставалось лишь констатировать. Стала очевидной несостоятельность существующих общественных идеалов – человек оказался в мире, лишенном справедливости, правил или морали. Как замечает Сартр в своем разборе «Постороннего» Камю, все «декорации обрушились и была обретена ясность, лишенная всякого смысла» [1]. Исчезли иллюзии об упорядоченности Вселенной, о том, что жизнь человека, как и все в мире, наделена неким божественным смыслом и целью и подчиняется некому высшему закону. Одна из наиболее красивых художественных метафор данного «экзистенциального прозрения» принадлежит Ф.Кафке: «Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое» [2].

«Смерть Бога» и столкновение человека с абсурдом явились отправными точками развития экзистенциального мироощущения. Именно отправными точками, поскольку распространенное представление об экзистенциализме как о системе, отрицающей мораль и обесмысливающей любые ценности, глубоко ошибочно. Вопрос Ф.М. Достоевского: «Без бога-то и без будущей жизни... теперь все позволено, все можно делать?» – становится центральным для экзистенциального сознания, но всегда остается вопросом, на который нет, да и не может быть однозначного ответа [3]. И все же, если внимательно анализировать ответы на этот вопрос, озвученные или подразумеваемые представителями философско-художественного течения экзистенциализма, то, на наш взгляд, правомерно говорить о существовании экзистенциалистской морали и экзистенциалистской этики. Э.Ю. Соловьев справедливо отмечает: «Важно понять, что по своему основному замыслу экзистенциализм уже в 20-е годы представлял собой антирелятивистскую, антинигилистическую доктрину» [4, с.292]. В экзистенциализме речь идет скорее о необходимости «переоценки всех ценностей» (Ф. Ницше), а не об отказе от них.

Целью этой статьи является выявление тех ценностно-мировоззренческих категорий, которые легли в основу экзистенциалистской этической мысли, а также анализ ее центральных принципов и их отображения в художественной литературе. В нашем исследовании мы опираемся на предложенную В.В. Заманской литературоведческую

категорию «экзистенциальный тип художественного сознания» и вслед за Валентиной Викторовной полагаем экзистенциальное сознание «метасодержательной категорией», то есть «феноменом общечеловеческим, наднациональным и в значительной мере надисторическим» [5, с.26]. На этом основании материалом для написания этой статьи послужило творчество и философские воззрения не только классиков экзистенциализма (М. Хайдеггера, С. Кьеркегора, А. Камю, Ж.-П. Сартра), но также философско-художественное наследие провозвестника экзистенциализма Ф. Кафки и творчество «единственного в советской литературе писателя-экзистенциалиста в точном понимании этого слова» Василя Быкова [6].

Авторы новейшего философского словаря выделяют два основных значения понятия «этика». Во-первых, этика – это «теория морали, видящая свою цель в обосновании модели достойной жизни» [7]. Во-вторых, этику рассматривают как «обоснование той или иной конкретной моральной системы, фундированное конкретной интерпретацией универсалий культуры, относящихся к субъектному ряду: добро и зло, долг, честь, совесть, справедливость, смысл жизни и так далее» [7]. В данной статье мы широко используем термин «экзистенциалистская этика», апеллируя к обоим вышеприведенным значениям. Несмотря на то, что экзистенциалисты претендовали на отказ от моральных наставлений, на наш взгляд, этике экзистенциализма все же не удалось остаться строго в рамках теоретической модели. Ж.-П. Сартр действительно придерживался мнения, что никто не может учреждать абсолютно значимый набор объективных ценностей, как и наставлять индивида в том, каким должен быть его моральный выбор. Однако, по его мнению, философ может сделать ясной неизбежность выбора, показать его природу и различие между подлинным и неподлинным выбором так, чтобы человек осознал, что он есть, и приготовился встретиться с собой с открытыми глазами. Хотя Камю не утверждал, что можно указывать индивиду, как ему в точности вести себя в абсурдном мире, он все же стремился привлечь внимание человека к природе мира и к возможностям выбора и поведения. В данных позициях нам кажется очевидным наличие стремления оказать косвенное воздействие на индивида, повысить уровень его осознания и вероятность выбора «подлинного существования».

Стоит отметить, что на сегодняшний день проблема экзистенциалистской этики остается недостаточно разработанной в литературоведении. Понятие «экзистенциальное сознание» было введено и разработано В.В. Заманской. Психолого-философской разработкой экзистенциальных категорий вины и свободы/ответственности занимались И.Ялом («Экзистенциальная психотерапия») и Э.Фромм («Бегство от свободы»). Исследованию отдельных этических принципов экзистенциализма посвящены работы К. Уайетта (статья «Existential Ethics»), [К. Росса](#) (статья «Existentialism»), С. Крейса (статья «The Existentialist Frame of Mind»), [А. Шмалько](#) (статья «Экзистенциальный кризис и его разрешение»). Однако нам не удалось найти работ, посвященных полному и систематическому литературоведческому анализу этического компонента экзистенциального типа художественного сознания.

Одним из важнейших следствий культурологического сдвига, произошедшего в начале XX века, явился возросший интерес к человеку, его внутреннему миру, переживаниям, ценностям. А. Камю считает, что жизнь человека, его достоинство представляют единственную ценность, не могущую быть подвергнутой никакому сомнению. В одном из «Писем немецкому другу» он отмечает: «Я продолжаю думать, что мир этот не имеет высшего смысла. Но я знаю также, что в нем есть нечто, имеющее смысл, и это – человек... Этот мир украшен, но крайней мере одной настоящей истиной – истиной человека...» [8]. С. Франк утверждает, что новую историю отличает «... вера в человека как такового – в человека как бы предоставленного самому себе и взятого в отрыве от всего остального и в противопоставлении всему остальному...» [9]. Похоронив

Бога и ужаснувшись тем последствиям, к которым привела власть Разума и «вседозволенность», экзистенциализм снова объявляет человека «мерой всех вещей».

Заслуга экзистенциализма, как нам видится, состоит вовсе не в том, чтобы декларировать о свободе человека ввиду отсутствия системы заданных ценностей и универсальных этических норм. Как доказывает история первой половины XX века, вряд ли на тот момент в этом существовала необходимость. Гораздо важнее то, что экзистенциальное сознание повернулось к проблеме ответственности. С точки зрения Сартра, задача писателя-экзистенциалиста состоит в том, чтобы «сдернуть покрывало с мира... чтобы другие люди осознали полноту своей ответственности» [10]. В.В. Заманская справедливо отмечает: «Предшествующие эпохи принимали «готовое» решение проблемы пределов вместе с моральными принципами христианства: идея Бога, фактически, исчерпывала проблему еще до постановки ее: идея пределов была растворена в идее Бога. Человеку предлагалось верить и следовать. В мире без Бога человек встал один на один перед проблемой пределов: из «вне» она переместилась в его сознание, в его психику, в его душу» [5, с.33].

В экзистенциалистском понимании свобода немыслима без ответственности, поскольку экзистенциальное сознание понимает проблему свободы не в плане социальном, как общественную борьбу, а в плане субъективном – как «первореальность» человеческого существования. Будущее человека (и человечества) представлено множеством возможностей, поэтому всегда многозначно. Это постоянно ставит человека в ситуацию выбора, а значит, свободы. Если же в каждый момент своего бытия человек свободен выбирать (а, согласно экзистенциалистской этике, это так, поскольку всегда можно выбрать самоубийство), то он несет ответственность за каждый свой выбор и его последствия. По мнению Жан-Поль Сартра, быть ответственным значит быть «неоспоримым автором события или вещи» [11, с.245].

Здесь важно подчеркнуть слово «неоспоримым», поскольку экзистенциальное сознание совершенно отказывается от идеи детерминированности выбора, наделяя человека тотальной, ни с кем не разделенной ответственностью.

Экзистенциальному типу сознания чуждо стремление объяснить поведение человека влиянием тех или иных объективных факторов. Полностью отвергается идея исторической, социально-экономической, психологической или какой-либо еще обусловленности. «Апричинность экзистенциального мышления ломает социальную и историческую мотивацию личности», – отмечает Заманская [5, с.31]. Например, не соглашаясь с теорией классовой обусловленности поведения человека, Сартр считал, что представители одного класса реагируют в похожих ситуациях сходным образом, лишь ввиду того, что не осознают своей свободы [12, с.55-56]. В беседах с Г. Яноухом Кафка выражает мысль, близкую к позиции Сартра: «В большинстве своем люди вовсе не злы. Люди поступают плохо и навлекают на себя вину потому, что говорят и действуют, не представляя себе последствий своих слов и поступков. Они лунатики, а не злодеи» [13].

Отрицая психологическую заданность поведения человека (например, ввиду детских травм, типа личности или особенностей темперамента), философско-художественная система экзистенциализма основывает свою теорию личности на убеждении, что «существование предшествует сущности» (Ж.-П. Сартр). Личность не существует априори – в результате каждого нового выбора и поступка личность складывается заново. В процессе жизни, в поступках личность складывается и существует, а не проявляется. Мерсо в «Постороннем» становится убийцей не потому, что «бесчувственен», а потому что убивает араба (т.н. «немотивированное убийство»). «Нет ничего удивительного в том, что под влиянием одинаковых внешних условий я сегодня поступаю иначе, чем вчера, ибо я меняюсь, я длюсь», – пишет А.Бергсон [14, с.137].

Хорошие намерения и незнание также не освобождают человека от ответственности. Эта мысль ярко выражена в рассказе Ж.-П. Сартра «Стена». События разворачиваются во время гражданской войны в Испании. Молодой партизан-анархист Пабло Иббиета попадает в плен к фашистам. Он проводит ночь в ожидании расстрела, но утром фашисты предлагают сохранить ему жизнь, если он выдаст местонахождение Рамона Гриси – одного из лидеров сопротивления. Пабло знает, что Рамон прячется у своих двоюродных братьев и уверен, что ни за что не станет выдавать своего товарища. Решив «напоследок разыграть» своих будущих убийц, он придумывает, что Рамон скрывается на кладбище на окраине города. Его запирают в камере. Затем фашисты возвращаются и отпускают его. Почему? Оказалось, что накануне, разругавшись со своим братом, Рамон ушел от него и, по нелепой случайности, действительно прятался на этом кладбище. Хотел ли молодой человек выдать своего товарища фашистам? Нет. Виноват ли он в предательстве? В его традиционном понимании этот вопрос не является актуальным для экзистенциального мышления. Несет ли он ответственность за то, что фашисты убили Рамона? Да, безусловно – именно его показания привели их на кладбище.

Хорошей иллюстрацией того, что хорошие намерения никак не умаляют ответственности, является рассказ Василя Быкова «Свойки». Главная героиня узнает, что ее дети собрались уходить в партизаны. Для женщины их решение – это верная гибель. В надежде их спасти женщина бежит за помощью к своему племяннику, который служит полицаем в местечке: «Пусть он их пострашает, посадит на какую недельку в подвал, пусть даже недолго подержит в тюрьме, но чтоб только не ушли в лес и не иссиротили ее» [15]. Когда на глазах матери полицаи убивают двух ее сыновей, она осознает, что совершила. Не в силах дальше жить с ответственностью за смерть своих детей, женщина бросается в колодец. Она хотела спасти своих детей, но именно ее поступок привел к их гибели.

Представители религиозного экзистенциализма также стремятся вернуть человеку ответственность. Они настаивают на том, что вера в Бога не снимает с человека ответственности за свою судьбу, поступки, решения. С.Кьеркегор считал, что противоречий между верой в Бога и свободой не существует, поскольку основой веры является свободный выбор [16, с.55]. Отношение представителей религиозного экзистенциализма к вопросу ответственности метафорично выразил М. Унамуно: «Человек плывет в Боге, не нуждаясь в доске, и единственное, к чему я стремлюсь, – выхватить у тебя эту доску, чтобы оставить один на один с самим собой, внушить тебе мужество и сознание, что ты плывешь... Людей нужно бросать посреди океана, выхватывая у них какую бы то ни было доску, чтобы они учились быть людьми и плавать» [17].

Другой основополагающей категорией экзистенциальной философии, психологии, литературы является категория вины. Прежде всего, хотелось бы пояснить нашу мысль о том, что вопрос виновности в его традиционном понимании не является актуальным для экзистенциалистской этики. Дело в том, что философско-психологическая трактовка вины в экзистенциализме сильно отличается от традиционного понимания категорий вины и греха в христианском сознании. В традиционной трактовке вина «обозначает эмоциональное состояние, связанное с переживанием неправильных действий, – всепроникающее, высоко дискомфортное состояние, характеризующееся тревогой в соединении с ощущением своей «плохости»» [11]. В данном понимании вина всегда характеризуется определенной направленностью – речь идет о переживании своей «плохости» в следствие совершенного преступления по отношению к другому человеку и/или перед Богом. Поэтому традиционно предлагаемым решением проблемы вины является путь раскаяния и искупления.

Экзистенціальная перспектива добавляет важное измерение к концепции вины. В экзистенциализме вина приравнивается к понятию ответственности, т.е. признанию своего авторства именно этого, а никакого другого положения дел. Хайдеггер для обозначения категорий вины и ответственности использует одно и то же слово (*schuldig*). Проводя разграничение между традиционным и экзистенциалистским пониманием виновности, он пишет: «Быть виновным также подразумевает «быть ответственным за», то есть являться источником, или автором, или по крайней мере случайной причиной чего-либо» [11]. Подобная трактовка категории вины имеет ряд важных следствий, оказавших огромное влияние на развитие экзистенциалистской этической мысли. Во-первых, приравнивая вину к ответственности, экзистенциализм расширяет ее границы, уменьшает возможности бегства. Вопрос преднамеренности теряет какое-либо значение и «индивид уже не может спокойно удовлетвориться такими алиби, как «Я не имел этого в виду», «Это был несчастный случай», «Я не мог ничего сделать», «Я следовал непреодолимому импульсу»» [16]. Далее, изменяется направленность вины. В экзистенциалистском понимании «человек несет вину не только за преступления против других людей, моральных или социальных правил; но также за *преступления против самого себя*» [16].

Преступлением против самого себя экзистенциализм полагает неаутентичное существование – невозможность или отказ реализовывать все открытые нам потенциальные возможности. В «Мужестве быть» Пауль Тиллих пишет: «Бытие человека не только дано ему, но также требуется от него. Он ответственен за него; в самом буквальном смысле, он должен отвечать, если его спросят, *что он сделал из себя*. Тот, кто спрашивает его, – его судья, и это не кто иной, как он сам. Данная ситуация вызывает его тревогу, которая в относительных терминах есть тревога вины, в абсолютных – тревога самоотвержения, или самоосуждения. От человека ожидается, чтобы он сделал из себя то, чем он может стать, чтобы воплотить свою судьбу. Каждым моральным актом, актом самоутверждения человек вносит вклад в воплощение своей судьбы, в актуализацию того, чем он потенциально является» [11].

Согласно Кьеркегору, нежелание быть собой приводит человека в состояние отчаяния. Отто Ранк писал, что, «предохраняя себя от слишком интенсивного или слишком быстрого проживания, *мы чувствуем себя виновными из-за неиспользованной жизни, непрожитой жизни в нас*» [11]. Абрахам Маслоу, был убежден, что «каждое отступничество [от собственной сущности], каждое преступление против своей природы фиксируется в нашем бессознательном и заставляет нас презирать себя» [11].

Творчество Франца Кафки, которого по праву называют предтечей экзистенциализма, насквозь пронизано переживанием экзистенциальной вины и сопряженными с ней чувствами отчаяния и презрения к себе. «Отказ от признания и конфронтирования экзистенциальной вины – повторяющаяся тема в творчестве Кафки», – пишет Ирвин Ялом [16].

«Процесс» начинается такими словами: «Кто-то, по-видимому, оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест» [18]. Йозеф К. оказывается втянут в судебный процесс, но при этом он совершенно лишен возможности узнать, в чем его обвиняют. Ему предлагают сознаться, но он заявляет: «Я ни в чем не виновен». Весь роман Йозеф К. пытается освободиться от суда – он ищет способ «повлиять на процесс», надеется «из него вырваться, ...обойти его, ...начать жить вне процесса». Он ищет помощи из любого мыслимого источника, но тщетно. Постепенно читатель осознает, что К. находится не перед обычным гражданским судом. «Этот процесс не из тех, какие разбирают в обычном суде», – ставит в известность Йозеф своего дядю. По мнению Ялома, «Йозеф К. застигнут внутренним судом – тем, что заседает в его скрытых глубинах» [16]. «Таинственный суд, о котором он часто судит столь пре-

небрежительно, но который все же признает, – это его совесть, перед судом которой он недоволен своей жизнью, поверхностностью, вялостью, безучастностью своего земного существования», – комментирует произведение Макс Брод [19].

В экзистенциалистском толковании обвинение, выдвинутое против Йозефа К., отнюдь не абсурдно. В эссе «Вина и чувство вины» Бубер подчеркивает, что в «Процессе» Кафки «несправедливый и жестокий суд проводит в жизнь *справедливое обвинение*, вынесенное высшей инстанцией» [11]. Именно потому, что речь идет не о «какой-то конкретной вине, а о вине экзистенциальной – той изначальной вине, какой является само человеческое существование», суть обвинения остается скрытой на протяжении всего романа, а виновность Йозефа К. постулируется априори [20].

Хайдеггер называет вину фундаментальной характеристикой человеческого существования, поскольку человек «неизменно отстает от собственных возможностей». Швейцарский психиатр Медард Босс пишет: «...Человек изначалью виновен. Его изначальная вина берет начало с рождения. Именно тогда он начинает быть в долгу перед своим Dasein, насколько это касается его способностей и всех возможностей жизни. В этом смысле человек остается виновным всю свою жизнь – то есть должным в отношении всех требований, уготовленных будущей его жизнью, до последнего дыхания... каждое действие, каждый выбор означают отвержение других возможностей, также принадлежащих человеческому существованию в данный момент... Экзистенциальная вина человека состоит в невозможности выполнить наказ осуществлять все свои возможности» [21].

Этому высказыванию созвучны слова самого Кафки: «...проверки боится лишь тот, у кого нечистая совесть. Человек, не выполняющий задачи своего времени. Однако кто совершенно точно знает свою задачу? Никто. Потому у каждого из нас нечистая совесть, от которой хочется убежать – как можно скорее уснув» [13].

Итак, экзистенциалистская этика полагает вину изначальной фундаментальной категорией, неотъемлемой спутницей человеческого существования. Но само по себе переживание экзистенциальной вины не ведет к отчаянию, гибели. Экзистенциальные философы и психологи сходятся во мнении, что, при условии ее осознания, экзистенциальная вина – «это позитивная конструктивная сила, советчик, возвращающий нас к себе самим» [16]. Тот, кто, подобно Йозефу К., оказывается вызванным на суд экзистенциальной виной, совершил преступление против своей судьбы. Путь «искупления» такой вины – это путь познания, принятия и осуществления себя. Это путь подлинного существования, в котором осуществляется «воля быть собой».

Первый шаг на пути «искупления» экзистенциальной вины – это ее осознание. Согласно Кьеркегору, осознание вины «умеряет отчаяние: не знать, что находишься в отчаянии, – это еще более глубокая форма отчаяния» [11]. Роман изобилует предупреждениями и намеками на бессмысленность и тщетность попыток Йозефа К. «обойти суд, ... жить вне процесса», т.е. жить «вне «юрисдикции» собственной совести», не встречаясь с экзистенциальной виной. Горничная адвоката предупреждает К.: «...все равно сопротивляться этому суду бесполезно, надо сознаться во всем» [18]. Священник советует К. заглянуть внутрь себя: «Ты слишком много ищешь помощи у других... Неужели ты не замечаешь, что помощь эта не настоящая?» [18] Но Йозеф К. упрямо стоит на своем: «Но ведь я невиновен. Это ошибка. И как человек может считаться виновным вообще?» [18] По мнению И. Ялома именно отказ от признания и конфронтирования своей вины лежит в основе отчаяния и гибели Йозефа К. [16]

Здесь нам кажется важным еще раз подчеркнуть то, что осознание экзистенциальной вины отличается от признания своей вины и раскаяния в традиционном христианском понимании. И. Ялом пишет: «...Экзистенциальная вина не есть результат какого-либо преступного действия, совершенного индивидом. Напротив! Экзистенциальная

вина происходит от упущения» [16]. Согласно Ялому, Йозеф К. виновен вследствие *не сделанного* им в его жизни. Когда человек осознает свою экзистенциальную вину, ему не в чем раскаиваться. Наоборот, он принимает ответственность за то, что живет такой жизнью, которую сам до сих пор выбирал, за то, «что он сделал из себя». Одновременно, он осознает свою вину за упущенные возможности, за то, что *не* сделал; он понимает, как *хочет* жить, и осознает свою свободу и ответственность за новый выбор: решается ли он здесь и теперь на изменения или решает все оставить по-старому.

В этом смысле экзистенциалистскую этику часто называют «ситуационной», т.е. этикой настоящего момента, основанной на моральном выборе «здесь и теперь», а христианские категории вины, греха и раскаяния, направленные, главным образом, на прошлое и подкрепляемые страхом будущего (Страшного Суда и того, что последует за ним), теряют в ней свою актуальность. Ни угрызения совести, ни раскаяние не могут отменить уже свершившегося авторства событий, а потому с экзистенциалистской точки зрения являются бесполезными, лишеными какой бы то ни было значимости.

В «Постороннем» следователь и священник призывают Мерсо к раскаянию. Следователь убежден, что «нет такого преступника, которого господь не простил бы, но для этого преступник должен раскаяться и уподобиться ребенку, душа коего чиста и готова все воспринять» [22]. Священник пытается вызвать у Мерсо страх божий: «По его мнению, суд человеческий – ничто, а суд божий – все. Я заметил, что именно суд человеческий вынес мне смертный приговор. Но священник ответил, что сей суд не смысл греха с моей совести». То, что Мерсо не раскаивается в убийстве араба, не боится суда божьего, кажется окружающим жестоким, бесчеловечным. «Никогда не встречал такой очерствелой души, как у вас!» – в сердцах восклицает следователь [22].

Однако согласно экзистенциалистской этике, поведение Мерсо после убийства является эталоном аутентичности. В предисловии к одному из переизданий «Постороннего» Камю пишет: «Читатель будет близок к истине, усматривая в «Постороннем» историю человека, который без всякой героической позы согласен умереть за истину. Мне случалось говорить, и каждый раз парадоксальным образом, что в моём персонаже я попытался изобразить единственного Христа, которого мы заслуживаем» [23, с.240-241]. Принимая ответственность за свой поступок и за его последствия, Мерсо не пытается оправдать себя, поскольку оправдания – это лишь попытка умалить собственную ответственность за содеянное, сладкий самообман, способный одурманить человека, погрузить его в болото самозабвения. Искать оправдание своим поступкам – значит жить неаутентично, во лжи и несвободе. Настолько же неприемлемым для Мерсо является настойчивое предложение священника раскаяться, сбросить с себя «бремя великого греха». Для Мерсо не существует понятия «греха», поскольку не существует Бога. И у Мерсо нет ни малейшего желания сбрасывать с себя груз ответственности, ведь это означало бы отказ от всего, во что он верит – своей свободы, своей жизни, себя. «У меня вот как будто нет ничего за душой. Но я-то хоть уверен в себе, во всем уверен, куда больше, чем он [священник], – уверен, что я еще живу и что скоро придет ко мне смерть. Да, вот только в этом я и уверен. Но по крайней мере я знаю, что это реальная истина, и не бегу от нее. Я был прав, и сейчас я прав и всегда был прав. Я жил так, а не иначе, хотя и мог бы жить иначе. Одного я не делал, а другое делал. И раз я делал это другое, то не мог делать первое» [22].

Здесь важно отметить, что, когда следователь и священник призывают Мерсо к раскаянию, ими движет вовсе не сострадание. Равно как и общественностью, приговорившей Мерсо к смертной казни, движет не желание справедливости (в те годы в Алжире белому, совершившему непреднамеренное убийство араба, грозило бы несколько лет тюремного заключения). Предельная честность и готовность нести ответственность за свою жизнь наделяют Мерсо таким сильным ощущением внутренней свободы, что

он вселяет ужас, вызывает негодование и ненависть у окружающих. Его образ жизни, действия, убеждения, слова – сам факт существования такого человека грозит разрушить веками устоявшуюся систему христианских ценностей. Под угрозой оказывается вера в Бога – в некую высшую инстанцию, упорядочивающую и наделяющую смыслом невыносимые абсурдность и свободу бытия. «Неужели вы хотите, ... чтобы жизнь моя не имела смысла?» – негодует следователь [22]. Мораль Мерсо грозит разрушить спасительные христианские ориентиры, четко прописывающие как и зачем жить, грозит столкнуть человека с его свободой и личной ответственностью. Именно поэтому его необходимо уничтожить. Фактически, Мерсо был приговорен к смертной казни не за убийство араба, а за то, что «проявил бесчувственность» в день похорон матери.

Приведенный выше анализ таких основополагающих категорий экзистенциалистской этики как свобода, ответственность, вина, позволяет нам сделать вывод о том, что по своей природе экзистенциалистская этика индивидуалистична – она опирается на внутреннюю систему ценностей и решений человека. Однако в то же время, правомерно говорить о ее социальной направленности – она регулирует не только жизнь отдельного человека – автора своих ценностей и решений – но и существование всего человечества. Свободный человек осознает себя автором своего «я», своей судьбы, своих жизненных неприятностей, своих чувств и также своих страданий, если они имеют место. Свободный человек осознает себя ответственным и за тех людей, на чью жизнь тем или иным образом повлиял его выбор. Как писал Н.Бердяев, «свобода не должна стать снятием ответственности за ближних» [24, с.315]. Принимая свободу и ответственность, человек перестает избегать выбора и начинает осознавать себя творцом не только собственной жизни, но и истории.

Важно, что экзистенциалистская этика не ограничивается требованием пассивного осознания своей причастности к социально-историческому процессу. Экзистенциализм требует поступков, действий, активного выражения и осуществления своей воли. Давая определение экзистенциализму как философскому течению XX века, Ф. Коплстон ссылается на мнение Э.А. Алена, который «описывает экзистенциализм как попытку философствовать с позиции деятеля, нежели, как то было принято раньше, с позиции наблюдателя» [25]. Не достаточно придерживаться тех или иных взглядов, намереваться, внутренне соглашаться или возмущаться, сопереживать, верить. Истинный выбор проявляется в поступках и в их отсутствии. «Существование предшествует сущности» – именно в действии человек конституирует себя, обретает сущность, приближается к аутентичному существованию.

Позиция деятельной причастности к социально-историческому процессу проявляется как в художественных произведениях экзистенциалистов, так и в их активной социально-политической деятельности. Во время Второй мировой войны Сартр и Камю становятся активными участниками Сопротивления. После окончания войны они продолжают отстаивать право человека на жизнь и свободу, открыто выступая против насилия, социально-политической несправедливости.

«Шведские речи» А.Камю, его «Письма к немецкому другу» прямо свидетельствуют о позиции ответственности и причастности писателя к политическим проблемам времени. Он пишет: «Людам, родившимся в конце первой мировой войны, отметившим свое двадцатилетие... в момент возникновения гитлеровской власти и одновременно первых революционных процессов и... ввергнутым в кошмар испанской и второй мировой войн, в ад концентрационных лагерей, в Европу пыток и тюрем, сегодня приходится... создавать ценности в мире, которому угрожает ядерная катастрофа... Но факт остается фактом: большинство из нас... отринуло... нигилизм и перешло к поиску нового смысла жизни... Но его [поколения] задача... состоит в том, чтобы не дать миру погибнуть... [поколение] должно возродить в себе самом и вокруг себя... хоть малую часть

того, что составляет достоинство жизни и смерти. Перед лицом мира, находящегося под угрозой уничтожения... поколение это берет на себя задачу... построить в союзе со всеми людьми ковчег согласия» [26, с.360].

Ж.-П.Сартр в эссе «Что такое литература?» отмечает: «Исторический фактор - это почти всегда человек». Протестуя против приспособленчества, когда человек чувствует себя винтиком бюрократической машины, не способным что-либо изменить в ходе событий, Сартр пишет: «Любой порядок, да и беспорядок сейчас основан на мистификации сознания. Нацизм был одной мистификацией, голлизм – второй; католицизм – третьей... Человек всегда должен ответить за то, чему он *не попытался помешать*... И каждый пусть сам ищет выход» [10].

Одним из наиболее удачных художественных воплощений экзистенциальной позиции личной ответственности и причастности к социально-историческому процессу является философский роман-притча А.Камю «Чума». Чума – символический образ, допускающий одновременно несколько уровней интерпретации. Если учитывать социально-исторический контекст написания романа, то чума символизирует распространившуюся по Европе эпидемию фашизма, насилие, войну, социально обусловленную природу зла. На более глубоком символическом уровне чума является олицетворением неподконтрольной человеку смерти, факта неизбежной конечности человеческого существования. В беседе с Г. Яноухом Кафка однажды отметил: «Для здорового человека жизнь, собственно говоря, лишь неосознанное бегство, в котором он сам себе не признается, – бегство от мысли, что рано или поздно придется умереть. Болезнь всегда одновременно и напоминание, и проба сил» [13]. В этом смысле чума – массовая эпидемия смертельной болезни – это уже не просто напоминание, а непосредственное столкновение, встреча со смертью.

Главный герой романа – Бернар Риэ – является воплощением «абсурдного человека» Камю. Обладая моралью «трезвой ясности», он без иллюзий оценивает человеческое существование. Он осознает, что «чуму» невозможно победить, что «любые ... победы всегда были и будут только преходящими», но он выбирает ей противостоять: «Знаю, так всегда будет. Но это еще не довод, чтобы бросать борьбу» [27]. Экзистенциальный выбор Риэ и его соратников – сопротивление чуме, необходимость защищать жизнь, лечить людей. Их борьба является художественным воплощением экзистенциального идеала аутентичного существования. Сколь бы малой ни была надежда, они остаются верными своему выбору до самого конца, активно воплощая его в каждом своем поступке. Не поддаваясь страху и искушению бегства, герои «Чумы» делают все от них зависящее – они живут полной, аутентичной жизнью. «Тот, кто познал всю полноту жизни, тот не знает страха смерти. Страх перед смертью лишь результат неосуществившейся жизни. Это выражение измены ей», – говорит Ф. Кафка в беседе с Г. Яноухом [13]. В.Быков недаром называет «Чуму» «евангелием XX века».

Формула, согласно которой истинная нравственность – это всегда нравственность выбора, нравственность поступка, составляет экзистенциальное ядро творчества Василя Быкова. Являясь представителем «лейтенантской» прозы, В. Быков не раз подчеркивал, что правдивое изображение войны для него является больше средством: «...меня интересует в первую очередь не сама война, даже не ее быт и технология боя, хотя все это для искусства тоже важно и интересно, но главным образом нравственный мир человека, возможности его духа» [28]. Война в произведениях Быкова выполняет функцию фона, обрамления, она служит метафорой пограничной ситуации. Комментируя работу над повестью «Сотников», Василь Владимирович писал: «Прежде всего и главным образом меня интересовали два нравственных момента, которые упрощенно можно определить так: что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств? На что он способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно?» [28] Череда губительных неудач, физические и нравственные страдания героя, непереносимая близость смерти – у Быкова все служит одной цели. Когда финальное поражение уже ощутимо

физически, происходит самое главное – герою открывается его последняя свобода, то единственно важное, что делает его человеком, то, чего никакие обстоятельства не могут у него отнять – свобода выбора. Рейн Карасты отмечает: «Сюжет [у Быкова] вроде бы всегда один и тот же: оплошности и случайные обстоятельства медленно сужают круг свободы до неминуемой смерти, перед лицом которой герой делает последний выбор» [29].

Большую часть своего творческого пути Василь Владимирович оставался верен военной тематике – ведь ситуация войны исключает возможность пассивного выбора. Но и в более поздних произведениях («Облава», «Народные мстители», «Глухой час ночи», «Желтый песочек», «Волчья яма» и др.) писатель отказывает своим героям в пассивности. Бездействие у Быкова – это результат выбора, оно всегда имеет последствия и, в этом смысле, является поступком.

Василь Владимирович не раз рассуждал о том самом важном последнем выборе, к которому неизбежно подводит своих героев. Особенно категорично он сформулировал суть этого выбора в комментариях к повести «Сотников»: «...неумолимая сила военных обстоятельств вынудила каждого сделать самый решающий в человеческой жизни выбор – умереть достойно или остаться жить подло» [28].

«Остаться жить подло» значит пойти на поводу у страха, отказаться от свободы, обесценить и обесмыслить свою жизнь, перестать быть Человеком в нравственном смысле. В попытке убежать от ответственности быковские персонажи переходят на сторону абсурда, позволяют ему уничтожить себя. Это выбор Рыбака, согласившегося служить полицикам. Это выбор Пшеничного, решившего сдать немцам, и Овсева, бежавшего с поля боя. Это выбор Николая Ровбы, отказавшегося от родителей и возглавившего облаву на собственного отца. Это выбор Черняка, сдавшего своего соседа киллеру. Ценой предательства Рыбаку и Николаю Ровбе удается выжить, но такая жизнь и есть самое страшное человеческое поражение – смерть духовная. Они становятся «живыми мертвецами», при жизни утратив то, что не могла отнять у них даже смерть. Самое главное из совершенных ими предательств – это предательство себя.

«Умереть достойно» значит до самого последнего момента жить подлинной жизнью, принимая ответственность за каждый свой выбор и его последствия не только для себя, но и для человечества в целом. «Умирая достойно», персонажи Быкова остаются свободными, они, как и герои Камю, до последнего момента не прекращают борьбу с абсурдом. Это выбор Сотникова, до самой смерти не прекращавшего попыток спасти Демчиху и Петра. Это выбор Хведара Ровбы, предпочетшего несвободе смерть. Это выбор Глечика, который не сдается, даже когда остается один на поле боя. Это выбор сельской учительницы, которая идет уговаривать партизан не разбирать мост. Это выбор ее отца, тоже учителя, который пошел на верную смерть, заступившись за местечковых евреев. Важно, что большинству персонажей быковских произведений не дано знать о том, повлияли ли, в конечном итоге, их поступки на историю человечества, или их жертвы оказались тщетными. «Но ведь многие не дожили до этого дня, не дошли до Победы и – что меня давно поражает – не то, что они погибли, это слишком банально на войне – а то, что, погибнув, они так и не узнали об окончании этой войны. Погибли в неведении. И до сих пор пребывают в оном. Никогда не узнают, о, может быть, самом важном из всего, что в течение ряда лет занимало на земле умы миллионов людей», – пишет В. Быков [28]. Но все же персонажи Быкова умирают «достойно» – со спокойной совестью, сделав все, что от них зависело. Для них это единственная возможность жить аутентично – победить духовную смерть.

Из вышеприведенного анализа следует, что экзистенциальный тип художественного сознания не только отражает глубокий духовно-нравственный кризис, вызванный крахом религиозных и общественных ценностей на рубеже XIX-XX веков, но и (что крайне важно) пытается его преодолеть, предлагая новую систему ценностей и нравственных принципов. В нем вырабатывается собственная система этической мысли, обосновывающая новую «эк-

зистенциалистскую мораль». Аутентичное существование, основанное на осознании человеком своей свободы и ответственности и проявляемое в осознанном выборе и поступке, становится новым и единственно возможным идеалом нравственности в мире абсурда. Конструктивную, антинигилистическую природу экзистенциализма подтверждают слова Сартра: «Экзистенциализм – не такой атеизм, который растрчивает себя на доказательства того, что Бог не существует. Скорее он заявляет следующее: даже если бы Бог существовал, это ничего бы не изменило... Человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от самого себя, даже достоверное доказательство существования Бога. В этом смысле экзистенциализм – это оптимизм, учение о действии» [30].

Не сомнений в том, что обращение экзистенциализма к человеку как таковому, утверждение его свободы, личной ответственности и конституирующей власти над жизнью оказало огромное влияние на развитие этического компонента последующих художественно-философских течений. В данном контексте нам кажется особенно актуальным и продуктивным дальнейшее исследование преемственности и эволюции этических принципов экзистенциализма в современной литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сартр, Ж.-П. Объяснение "Постороннего" / Ж.-П. Сартр [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://reliquarium.by.ru/html/fiction/sartre/etranger.shtml>
2. Кафка, Ф. Превращение / Ф. Кафка [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kafka.ru/text/prewrashenie.htm>
3. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <http://www.books-online.ru/d/dostoevskiyfedor/000712.html>
4. Соловьев, Э.Ю. Горькие уроки XX столетия. Экзистенциализм / Э.Ю. Соловьев // Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры / Э.Ю. Соловьев. – М., 1991. – 392с.
5. Заманская, В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: Учебное пособие / В.В. Заманская. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 304с.
6. Кукулин, И. Регулирование боли / И. Кукулин // Неприкосновенный запас [Электрон. ресурс]. – 2005. – N2-3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ku37.html>.
7. Можейко, М.А. Этика / М.А. Можейко // Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/dict/phil_dict
8. Камю, А. Письма немецкому другу. Письмо четвертое. Июль 1944 г. / А. Камю [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/KAMU/letters.txt>
9. Цит. по: Заманская, В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: Учебное пособие / В.В. Заманская. – М.: Флинта : Наука, 2002. – 304с.
10. Сартр, Ж.-П. Что такое литература? / Ж.-П. Сартр [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sartre.ru/librazd-al-books-3135/>
11. Цит. по: Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом. – М.: Класс, 2005. – 576с.
12. Literary Movements for Students: Presenting Analysis, Context, and Criticism on Commonly Studied Literary Movements: in 2 vol./ ed. by [David Galens](#). – Gale, 2002. – vol.2. – p.50-77
13. Из разговоров Густава Яноуха с Францем Кафкой [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kafka.ru/dnevnik/talk.htm>

14. Бергсон, А. Об организации состояний сознания. Свобода воли / А. Бергсон // Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. Собр.соч.: В 4 т. – М. : Московский клуб, 1992. – Т. 1. – С. 137-138.
15. Быков, В. Свояки / В. Быков [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: <http://lib.ru/PROZA/BYKOW/brothlow.txt>
16. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом. – М.: Класс, 2005. – 576с.
17. Цит. по: Болльнов, О. Ф. Философия экзистенциализма // О. Ф. Болльнов [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://ihtik.lib.ru/lib_ru_philosbook_22dec2006.html.
18. Кафка, Ф. Процесс / Ф. Кафка [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: <http://lib.ru/KAFKA/process.txt>
19. Брод, М. Отчаяние и спасение в творчестве Франца Кафки / М. Брод [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: http://www.kafka.ru/about/brod_otch.htm
20. Эмрих, В. Царство сатаны / В. Эмрих [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kafka.ru/about/emrih.htm>
21. Цитата по: Холл, К.С., Линдсей Г. Теории личности / К.С. Холл, Г. Линдсей [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/holli01/txt08.htm>
22. Камю, А. Посторонний. / А.Камю [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/KAMU/postoronnij.txt>
23. Цит. по: Семёнова, С. Преодоление трагедии / С. Семенова. – М., 1989. – 440 с.
24. Бердяев, Н.А. Одиночество. Госка. Свобода. Бунтарство. Жалость. Сомнения и борения духа. Размышление об эросе / Н. М. Бердяев // Самопознание / Н. М. Бердяев. – Харьков: Фолио, 2001. – 617с.
25. Коплстон, Ф. История философии. XX век / Ф. Коплстон [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.krotov.info/libr_min/k/korolk/koplston.html
26. Камю, А. Шведские речи. Речь от 10 декабря 1957 года / А. Камю // Бунтующий человек / А. Камю. – М., 1990. – 561 с.
27. Камю, А. Чума / А. Камю [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/camus/peste.html>.
28. Быков, В. Публицистика / В. Быков // Собр. соч.: в 4 т. [Электрон. ресурс]. - М., 1986. – т.4. - Режим доступа: <http://wap.lib.beeline.ru/lib.ru/PROZA/BYKOW/publicsm.txt?k=500>.
29. Карасты, Р. Пацан, беги / Р. Карасты // Звезда [Электрон. ресурс]. - С.-П., 2004. - №7. - Режим доступа: <http://www.zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2004/7/karasti.htm>.
30. Сартр, Ж.- П. Экзистенциализм - это гуманизм / Ж.-П. Сартр [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_545.html

Karopa I.G. Ethical Aspect of Existential Artistic Consciousness

In the attempt to overcome a serious moral crisis, caused by the failure of religious and social values at the turn of the XX century, existential consciousness brings forward a new set of values and moral principles. In this article we uncover those axiological and ideological categories, which underlie existential ethical thought. We analyse the main principles and categories of existential ethics, as well as their reflection in literature. Particular attention is paid to the analysis of such existential categories as freedom, responsibility, guilt, choice, action.